

Захаров Владимир Михайлович, доктор военных наук, действительный член Российской академии военных наук, ведущий научный сотрудник отдела оборонной политики РИСИ.

Эволюция взглядов на войну: от Клаузевица до современности

Обычно войну представляют в виде динамичной картины военных действий противоборствующих сторон, которые, преследуя свои политические и стратегические цели, исходя из экономических и военных возможностей, а также взглядов на военное искусство, ведут вооружённую борьбу, используя различные способы и формы применения вооружённых сил. При этом война как явление характеризуется некой совокупностью показателей, раскрывающих её (1) социально-политическое содержание и (2) стратегический (военно-технический) облик. Таким образом, можно определить характер войны, проанализировав конкретное содержание каждого из этих двух блоков показателей.

Однако вряд ли можно обсуждать характер грядущих войн, не определив само понятие "война". В настоящее время в основе разных дефиниций лежат главным образом три критерия: причинно-целевой, организационно-структурный и военно-технический¹.

Причинно-целевой критерий используется специалистами, исповедующими эволюционистский подход. Он хорошо просматривается в широко известной формулировке К. Клаузевица: *"Война – это вооружённое столкновение между двумя независимыми политическими единицами с использованием организованной военной силы в целях проведения государственной политики"*².

Несколько иначе смотрят на войну многочисленные военные теоретики и военные политологи, которые делают акцент на экономических целях войны. Согласно определению, предложенному профессором Мичиганского университета Л. Уайтом: *"Войны являются борьбой между социальными организмами, называемыми нациями, за выживание, приобретение и использование ресурсов земли, за плодородные поля и т.п."*³

Простейшее определение войны, которым оперируют сторонники использования организационно-структурного критерия (в основном, экологи и социобиологи), сводится к тому, что *война – это форма межгруппового насилия, вплоть до намерения убить друг друга*. Именно такой взгляд

¹ Шнирельман В. А. У истоков войны и мира. Война как предмет исследования. Ч. 1. М., 1994. С. 48–57.

² Шнирельман В. А. Указ. соч. С. 56.

³ White L. A. The Science of Culture. N.Y., 1949. P. 343.

позволяет некоторым авторам говорить о "войнах" у крыс, обезьян, муравьёв и других животных⁴.

Некоторые авторы в своих определениях войны подчёркивают, что речь идёт об узаконенных, санкционированных обществом действиях или о целенаправленных легализованных убийствах "чужаков", не принадлежащих к данной социальной группе. Одно из наиболее чётких определений войны в рамках указанного подхода принадлежит профессору Бостонского университета Р. Коэну, по словам которого в войне следует видеть *"узаконенные обществом и организованные наступательные и/или оборонительные кровопролитные насильственные действия между политическими общностями"*⁵.

Профессор Гарвардского университета Р. Б. Фергюсон определяет войну несколько шире – как *"организованную целенаправленную деятельность одной группы против другой"*, причём последняя может быть или не быть организована для аналогичной деятельности, включающей реальное или потенциальное применение смертоносной силы⁶. Достоинство своего определения Фергюсон видит в том, что оно делает акцент на социальном характере войны, а не на индивидуальном насилии. В то же время, по его мнению, не следует чётко определять характер вовлечённой в войну группы и ограничивать суть данного понятия одной лишь военной деятельностью. Он считает необходимым различать собственно военные *действия и состояние* войны, ибо война – это процесс, включающий разные формы конфронтации. Что же касается субъекта войны, то, с точки зрения Фергюсона, вычленив его крайне трудно, если вообще возможно, поскольку границы социальных групп часто бывают нечёткими, очень подвижными и иной раз возникают непосредственно в ходе конфликта⁷.

В последнее время к причинам, вызывающим войны, относят также волю диктатора, случайности и неуправляемое развитие событий, экономические противоречия, борьбу за ресурсы, влияние внутренних факторов и дезинтеграционные процессы в мире. Наибольшее внимание при обсуждении данной проблемы уделяется анализу рациональности или иррациональности действий групп лиц, в первую очередь политических лидеров, которые при принятии жизненно важных для своей страны решений, в конечном счёте, руководствуются *"своим личным выбором"*⁸. Ныне мы наблюдаем известный ренессанс тех научных школ, которые выводят возникновение войн из психологических и даже психоаналитических факторов. В подобных подходах делается акцент либо на биологических особенностях человека (*"инстинкт драчливости"*, или, по З. Фрейду, врождённый инстинкт агрессии), либо на культурных

⁴ White L. A. The Science of Culture. N.Y., 1949. P. 343.

⁵ Cohen R. Warfare and State Formation: Wars Make States and States Make Wars. WAACA, 1984. P. 330.

⁶ Ferguson R. B. Introduction: Studing War // Warfare, Culture and Enviroment. Orlando, 1984. P. 5.

⁷ Ibid.

⁸ Fearon J. D. Rationalist Explanations for War // International Organization. 1995. Vol. 49. № 3. Summer. P. 379–414.

факторах (особенности воспитания, этноцентризм, двойные моральные стандарты в системе "свой – чужой" и др.).

Определённой поддержкой среди американских военных теоретиков пользуется подход, согласно которому войны в человеческом обществе имеют ту же мотивацию, что и стычки между животными, поскольку в обоих случаях целью является адаптация вида, группы или отдельных особей к меняющимся условиям окружающей среды. По мнению сторонников этологических взглядов, у предка человека не было естественных средств для убийства особей своего вида, а потому не формировались и биологические механизмы, препятствующие таким убийствам. В то же время развитие человечества сопровождалось быстрым совершенствованием технических средств, предназначенных для физического уничтожения себе подобных, но механизмы "торможения" на биологическом уровне при этом не развивались. Как считается, это и породило бесконтрольную эволюцию военного дела и привело человечество на грань термоядерной катастрофы. С этой точки зрения история мировой цивилизации представляется исключительно историей войн, которые якобы и были движущей силой эволюционного развития человечества⁹.

Существуют также несколько модифицированные подходы, связывающие природу войны с социально-политической эволюцией человеческого общества. Так, известный английский историк и социолог Дж. Киган в своей работе "История войны" делает заключение, что "сущность войны включает в себя нечто гораздо большее, чем просто явление политики, она всегда является выражением культуры... В некоторых обществах война и есть культура"¹⁰.

Наконец, это явление стало активно рассматриваться с позиций функционализма, т.е. исходя из утверждения, что любой жизнеспособный социальный институт должен выполнять определённые важные функции, среди которых война представляет собой инструмент сохранения гомеостаза и обеспечения экономического, демографического, карательного (восстановление социального порядка), психологического и прочих балансов. Разумеется, адаптивная функция войны не ограничивается приспособлением к природной и социально-политической среде (т.е. опять-таки "война – это продолжение политики...").

Военно-технический критерий был первоначально разработан для разграничения "настоящей" и "первобытной" войны. Для "настоящей" вводилось понятие "военного гарнизона", под которым понималась группа вооружённых людей и военное руководство ими. Этот военный гарнизон предназначался для проведения тактических операций и других военных действий с чётко выраженными причинно-следственными связями между ними. Такие "настоящие" войны происходили в определённый промежуток времени (т.е. имели начало и конец), требовали участия профессионалов и велись по политическим и экономическим причинам.

Именно этот подход в настоящее время получил широкое признание у "деидеологизированных" политологов и военных историков. По их

⁹ См. по этому вопросу работу ведущего специалиста Института военной разведки США: O'Connell. *Arms and Man: A History of War, Weapons and Agression*. N.Y., 1989.

¹⁰ Keegan J. *A History of Warfare*. N.Y. : Alfred A. Knopf Inc., 1991.

мнению, дефиниция термина "война" прямо связана со средствами ведения военных действий. При этом, как отмечают некоторые исследователи¹¹, под влиянием революционных изменений средств вооружённой борьбы в доядерный период сменилось четыре поколения войн.

Войны *первого поколения* относятся к эпохам рабовладения и феодализма. Развитие материального производства и изобретение гладкоствольного оружия дали начало новым формам и способам ведения войн – войн *второго поколения*. Нарезное стрелковое оружие и нарезная артиллерия привели к появлению войн *третьего поколения*. Принятие на вооружение автоматического оружия, танков, боевых самолётов, появление новых транспортных средств и средств связи повлияли на становление и дальнейшее развитие не прекращающихся и ныне войн *четвёртого поколения*. В течение последних десятилетий на нашей планете сохраняется опасность войны *пятого поколения* – ядерной.

Российская военная наука, со своей стороны, определяет войну, как *организованную вооружённую борьбу между государствами, нациями (народами) и социальными группами*. Война внутри страны за государственную власть называется гражданской войной¹².

Обычно масштабы войны определяли, исходя из числа участвующих в ней государств и размаха военных действий. Однако в последнее время рамки типизации расширились, и появилось понятие "вооружённый конфликт".

Следует, однако, отметить, что классификация войн и конфликтов по критерию масштабности, т.е. по количеству участвующих в военных действиях противоборствующих сил, весьма условна. Это подчас мешает найти грань между региональной и локальной войнами, а также между локальной войной и вооружённым конфликтом. Более того, сама терминология подобной классификации в очередной раз заимствована из военно-политического лексикона США, для которых региональные, локальные и прочие вооружённые конфликты – суть войны, которые ведутся вне территории Соединённых Штатов. Поэтому некоторые аналитики считают подобную классификацию недопустимой¹³, поскольку генеральные штабы того или иного государства, готовясь к возможным вооружённым конфликтам, должны заранее определить их границы. Вольность же в толковании этих границ может привести к неоправданным материальным затратам.

Особо следует сказать о внутренних вооружённых конфликтах, которые в последнее время стали увязывать с проблемой международного терроризма, что как бы подразумевает существование некой надгосударственной и наднациональной террористической организации, члены которой действуют на территории конкретного государства. Однако ни структура этой организации, ни её состав никем не определены. В этих условиях организованная борьба с международным терроризмом просто

¹¹ Ранстоп М. Война четвёртого поколения // Конфликт. 2004. № 4 (31). 5 июля.

¹² Краткая российская энциклопедия. Т. 1. М. : ОНИКС 21 век, 2004. С. 508.

¹³ Кольтоков А. Ложная посылка военной реформы // Независимая газета. 1997. 15 октября.

невозможна. Следовательно, применению государством своего исключительного права на вооружённое насилие должно предшествовать выявление структур, на которые это насилие может и должно распространяться. При этом речь идёт не только о военных и военизированных формированиях, в непосредственном распоряжении или под контролем которых находится оружие, но и о легитимных или нелегальных, институционализированных, специально созданных или стихийно возникших структурах управления ими.

Если в межгосударственных войнах объектом воздействия в конечном итоге являются правящие элиты, то во внутреннем вооружённом конфликте, например на почве сепаратизма, объектом такого воздействия становится всё вовлечённое в него население, военную активность которого используют в своих целях не только государство, но и противостоящая ему негосударственная структура. Соответственно, в таком конфликте субъектом вооружённого насилия (а значит, и субъектом предстоящего мирного урегулирования) выступает уже не только государство в единстве его институтов, а этнические, этнорелигиозные, политические и даже криминальные организации и движения.

Существует мнение, что грядущие войны и вооружённые конфликты будут определяться возрастающей ролью всего комплекса средств информационной борьбы, включая радиоэлектронную, высокоточное оружие и нелегальные средства ведения войны¹⁴. При этом центр тяжести вооружённой борьбы сместится от массированного огневого поражения личного состава, оружия, военной техники и военных объектов противника на уничтожение (нарушение функционирования) тех элементов, от которых зависит способность противоборствующей стороны к организованному сопротивлению.

В связи с этим зарубежные специалисты считают одним из новых вызовов искусству организации боевых действий появившуюся сравнительно недавно концепцию "сетевидной войны", для которой характерна быстрая самосинхронизация структуры войск и систем управления ими. Форма ведения боевых действий при такой войне более эффективна, а сама война – скоротечна. В концептуально-теоретическом плане авторы представляют модель "сетевидной войны" как систему, состоящую из трёх подсистем, имеющих структуру решётки: информационной, сенсорной (разведывательной) и боевой (отдельные тактические подразделения и боевое управление)¹⁵.

Некоторые авторы, абсолютизируя американский опыт последних войн и в определённой степени дезинформируя читателя, активно навязывают ему концепцию так называемой "бесконтактной войны". Действительно, войны в Ираке и Югославии показывают, что американцы, пользуясь своим технологическим превосходством, наносили удары издалека, оставаясь вне зоны досягаемости противника. И действительно, высокоточное дальнобойное оружие нельзя недооценивать – это весьма эффективное

¹⁴ Военная безопасность страны и вооружённые силы: проблемы и пути их решения. М. : ВАГШ, 1995.

¹⁵ Концепция "сетевидной войны" как предпосылка появления новых форм ведения боевых действий // Национальная оборона. 2008. № 11 (32). Ноябрь.

средство, существенно изменяющее характер вооружённой борьбы. Но оснований утверждать, будто с его появлением самые передовые формы и способы ведения контактной войны теряют смысл, всё-таки нет¹⁶.

В контексте понятий войны и мира сам термин "мир" весьма неоднозначен, ибо его можно рассматривать и как состояние, и как определённую деятельность, направленную на прекращение войны. Следует подчеркнуть, что в первом случае "мир" вовсе не означает полного отсутствия какого бы то ни было насилия. Как вид деятельности он является процессом, включающим целый ряд мероприятий, направленных на установление и поддержание мирных отношений.

Таким образом, если рассматривать войну в качестве достаточно широкого социального явления, а не только как результат политической деятельности, то становится очевидным, что вероятность возникновения условий, при которых можно будет всерьёз говорить об исчезновении войны из жизни общества, крайне мала.

Фактически зашли в тупик поиски ответа на вопрос, как начинаются войны, каким образом конфликт переходит в фазу вооружённой борьбы. В связи с этим большое внимание военных теоретиков (особенно на Западе) привлекла книга австралийского историка Дж. Блейни "Причины войн". В ней автор развивает мысль, что "войны не начинаются, если сражающиеся нации достигают соглашения в оценке своей относительной мощи, и возникают в том случае, когда вовлечённые в конфликт нации расходятся в этих оценках"¹⁷.

По мнению Блейни, Советский Союз и США никогда не воевали между собой на глобальном уровне именно благодаря наличию такого "согласия". Подобный "замер мощи" является в теории Блейни центральным звеном. По его определению, "война сама по себе – это спор о результатах замера, мир... означает твёрдое согласие с результатами замера"¹⁸. Как считает Блейни, существует семь факторов, по которым традиционно судят о государственной мощи и по которым эта мощь сравнивается с мощью других государств. Если некий обобщающий показатель мощи одной нации выше, чем у её противника (или так считается), но при этом вероятный противник полагает, что более сильным является именно он, то вероятность возникновения войны весьма высока. Доказывая правоту своей теории, Блейни рассматривает несколько современных широко известных теорий войны и мира, в частности теорию коротких войн, доктрину Манчестера и доктрину существования либерально-демократических обществ.

Упомянутыми выше семью факторами, на основе которых происходит оценка мощи государства, он называет:

- *военную мощь* и способность эффективно применить её на конкретном театре военных действий или в конкретном географическом регионе;
- *обоснованный прогноз* поведения других государств (в первую очередь, сопредельных) в случае возникновения военного конфликта;

¹⁶ Гареев М. К каким угрозам и войнам должна быть готова Россия // Отечественные записки. 2003. № 3 (11).

¹⁷ Blainy G. The Causes of War. 3^d ed. N.Y. : The Free Press, 1988. P. 293.

¹⁸ Ibid. P. 122.

- *оценку внутренней сплочённости общества* в данном государстве, а также в дружественных и враждебных государствах;
- *способность правильно учитывать факторы*, связанные с негативными последствиями войны для различных сфер государственной жизни;
- *точную оценку экономических и других ресурсов*, необходимых для ведения войны предполагаемого масштаба, характера и интенсивности;
- *наличие националистических или идеологических факторов*, сплачивающих общество;
- *личные качества и умственные способности лидеров*, которые принимают решения по вопросам войны и мира.

Надо сказать, что ни один из этих указанных критериев не является определяющим, – определяющее значение имеет их сочетание. Тем не менее многие нации, не относящие себя к западному миру, при оценке своей государственной мощи исходят из превосходства идеологических факторов над традиционными, "количественными" (количество вооружений, экономические показатели и пр.).

Следует отметить, что данный подход не противоречит сформулированному российской военной наукой закону войны.

К наиболее общим законам войны принято относить **закон зависимости хода и исхода войны от политических целей противостоящих сторон.**

Обычно под политической целью войны понимают планируемый политическим и военным руководством государства конечный результат применения вооружённого насилия. Ведь именно от политических целей зависят характер деятельности государственных и общественных организаций, отношение к союзникам и нейтральным странам, масштабы мобилизации материальных и духовных ресурсов государства. От политических целей зависит и отношение населения к войне. Они же в значительной степени обуславливают и характер вооружённой борьбы, особенности строительства и применения вооружённых сил, определяют общий стратегический план войны, сроки и порядок его реализации, очерёдность и силу ударов по противнику и, что очень важно, силы и средства, необходимые для достижения военно-политических и стратегических целей. Характер политических целей войны напрямую влияет на долю национального продукта государства, которая должна выделяться на создание необходимого уровня его военной и боевой мощи, а значит, и на реализацию поставленных целей. История показывает, что нарушение этой зависимости неизбежно приводит к военным поражениям.

В вооружённой борьбе правящие политические элиты предполагают достичь "целей, поставленных на бой, сражение, операцию, войну в целом"¹⁹, т.е. того, что и называется победой. Таким образом, понятие "победа" соотносится с понятием "цели войны", которое можно рассматривать как своеобразный эталон победы.

Известный военный мыслитель К. Клаузевиц писал: "Целью войны может быть или сокрушение врага, т.е. его политическое уничтожение, или лишение возможности сопротивляться, вынуждающее его подписать

¹⁹ Военный энциклопедический словарь. 2-е изд. М., 1986. С. 561.

мир, или же целью войны могут явиться некоторые завоевания... чтобы... воспользоваться ими как полезным залогом при заключении мира"²⁰. Таким образом, К. Клаузевиц обозначил два эталона победы и предполагал, что "...будут существовать и переходные формы между этими двумя видами войн, но глубокие природные различия двух указанных стремлений должно всюду ярко выступать..."

Однако следует заметить, что, например, в XVII–XVIII вв. в Европе существовала иная трактовка "победы", проникнутая сознанием ограниченности ресурсов войны. Австрийский полководец XVII в. Р. Монтекуколи писал: "Наилучший момент для переговоров о мире – это когда имеешь военное преимущество, потому что тогда ставишь условия и нет нужды позволять, чтобы их тебе диктовали; но мир также стремятся получить, когда не слишком надеются на своё войско и свои силы; когда опасаются, что условия, удобные для вмешательства со стороны, могут создать нового врага, а также, когда ведущий войну правитель так приучен к наслаждениям, что не может переносить тягот"²¹.

Очевидно, что описанные в конце XVIII в. эталоны победы были обусловлены материальной стороной войн, которые вели между собой абсолютные монархии и которые представляли собой "деловые предприятия правительства"²².

Войны же при капитализме отличались уже неизмеримо более широкой социальной базой, позволявшей трансформировать вооружённые конфликты в "народные войны", "дело жизни и смерти нации". За этими новыми эталонами победы стоит изменение соотношения между мобилизационными возможностями режимов и теми потенциалами уничтожения, которыми армии европейских государств стали владеть в XIX – первой половине XX в. Как отмечают некоторые исследователи²³, если в XVIII в. мощь оружия значила больше, чем возможности мобилизации, и крупная европейская армия могла быть наполовину истреблена за день боя (как и армия её противника), то, начиная с наполеоновских войн и по Вторую мировую включительно, значение мобилизационного потенциала уже превосходило значение мощи средств уничтожения, несмотря на их постоянное совершенствование.

На уровне военной идеологии это изменение в самом базисе войны выразилось в:

- изменении масштабов политических целей;
- появлении идей "народной войны" и "армии граждан", вылившихся в создание кадровых армий и всеобщую воинскую повинность;
- изменившемся представлении о военных действиях (стратегический результат войны стал производным от тактических успехов отдельных боёв);

²⁰ Клаузевиц К. О войне. М. : Гос. воен. изд-во, 1934. С. 692.

²¹ Montecuccoli R. Abhandlungen uber den Krieg / Montecuccoli R. Ausgewahlte Schriften. Bd. I. Wien-Leipzig, 1899. S. 373.

²² Клаузевиц К. Указ. соч.

²³ Цымбурский В. Л. Военная доктрина СССР и России: осмысления понятий "угрозы" и "победы" во второй половине XX века. Российский науч. фонд. Научные докл. М., 1994.

– совершенно новых сценариях исхода войны, в которых торг об условиях мира вытеснился безоговорочной капитуляцией и крахом побеждённого режима²⁴.

Следует отметить, что российская военно-политическая мысль также знала немало примеров глубокого исследования такого явления, как война. В 20-е гг. прошлого века его изучением занимались М. Тухачевский, В. Триандафиллов, А. Верховский, В. Меликов и А. Свечин. Они трактовали понятие "победа" как тотальное сокрушение противника: не только полный разгром его вооружённых сил и разрушение военного сектора экономики, но и крушение его политической и социальной системы, можно сказать, даже цивилизации. Нечто подобное произошло во время Гражданской войны, последствия которой для России были гораздо более радикальными, чем результаты Первой мировой войны для других европейских стран, несмотря на её колоссальные масштабы, кровопролитность сражений и стремление к решительным стратегическим результатам.

Трактовка "победы" как уничтожения противника, лишения его способности сопротивляться, смена политического режима в потерпевшей поражение стране и сокрушения её вооружённых сил на поле битвы органически связана с этой новой эпохой бурного экономического развития государств и демографического роста, которые повышали значение мобилизационных ресурсов наций в сравнении со значением мощи вооружений.

По своему содержанию и масштабу политические цели войны могли быть как абсолютными (полная капитуляция противника), так и ограниченными, дозированными. В последнем случае заранее предполагалось, что военные действия на определённом этапе их развития прекращаются и обе стороны в результате политических переговоров приходят к консенсусу. "Конечная цель может принимать различные образы в зависимости от того, заключает ли она в себе крайнее решение или же является ограниченной целью. И в первом случае не всегда требуется достигать крайних пределов, т.е. полного уничтожения противника; в большинстве случаев достаточно лишить противника средств, необходимых ему для продолжения борьбы, или вообще привести его к убеждению, что продолжение войны вызовет лишь новые жертвы и не может дать благоприятных результатов"²⁵.

Предполагалось, что достижение абсолютной военно-политической цели в войне, которую чаще всего преследует агрессор, возможно лишь при его подавляющем превосходстве в боевой и военной мощи. При этом если страна – жертва агрессии достаточно сильна, то стремление к такой цели ведёт к большой войне, требующей предельного напряжения сил, огромных материальных затрат и неизбежных значительных людских потерь. В ходе военных действий агрессор рискует утратить первоначальное превосходство из-за возможного вступления других государств в войну на стороне жертвы. Такое развитие событий приведёт к затягиванию войны, увеличению потерь и разрушений и может поставить под сомнение успех

²⁴ Свечин А. А. История военного искусства. Ч. 2–3. М., 1922–1923.

²⁵ Там же.

агрессора в достижении первоначально поставленной им политической цели.

В 50-е гг. прошлого века началась эпоха ядерного противостояния двух мировых социально-политических систем, которая дала толчок новой фундаментальной ревизии смысла понятия "победа". Первоначально успехи в развитии ядерного и ракетного оружия были восприняты политиками и военными прежде всего как шанс кардинально увеличить военную мощь государства. Все усилия были направлены на то, чтобы опередить противника в гонке ядерных вооружений. При этом "победа" понималась не только как сокрушение вооружённых сил противника, но и как уничтожение враждебной идеологии военно-политическими средствами. Так, например, авторы коллективного труда "Военная стратегия"²⁶ заключают, что "новая мировая война будет решающим вооружённым столкновением двух противоположных мировых социальных систем. Эта война закономерно закончится победой прогрессивной коммунистической общественно-экономической формации над реакционной капиталистической общественно-экономической формацией, исторически обречённой на гибель..."

В условиях биполярного мира стратегическая ситуация определялась идеологической "непримиримостью" основных геополитических противников – СССР и США. Несмотря на сложный характер их двусторонних отношений в политической области, на военно-доктринальном уровне утверждалось, что обе стороны ведут и будут вести борьбу за выживание своих политических систем без каких-либо ограничений в средствах и ресурсах. Более того, как известно, одной из целей любого из существовавших тогда вариантов военно-стратегического планирования было предупреждение развязывания глобального конфликта, но при этом такой конфликт признавался в принципе приемлемым, если возникала "смертельная угроза" нации и государству (вспомним, например, известную в своё время американскую идеологическую установку "Лучше быть мёртвым, чем красным", которая отнюдь не была только пропагандистским штампом).

Если вдуматься, то при таком подходе фактически доводился до абсурда знаменитый тезис Клаузевица "Война есть продолжение политики другими средствами". Его интерпретировали следующим образом: поскольку война является лишь особой формой политики, она (как явление) не может влиять на высокоуровневые политические концепции или императивы. Другими словами, война не может исчерпать политику, прекратить её реализацию, она может выступать лишь средством разрешения политического конфликта.

Следует отметить, что едва ли не до середины 80-х гг. подавляющее большинство военных теоретиков не считали, что появление ядерного фактора радикально изменило характер военно-политического противостояния двух систем. Так, маршал Н. Огарков, один из наиболее серьёзных и вдумчивых советских военных руководителей, писал в 1982 г., что "в 50–60-е гг., когда ядерного оружия было ещё мало, оно

²⁶ Военная стратегия / под ред. В. Д. Соколовского М., 1968. С. 101.

рассматривалось лишь как средство, дающее возможность нарастить огневую мощь войск"²⁷.

С аналогичными тезисами о возможности победы в ядерной войне в то время выступали и многие американские военные теоретики. И только в 1957 г. Г. Киссинджер предрёк, что после периода увлечения наращиванием потенциала тотальной ядерной войны и США, и СССР осознают недопустимость риска, превышающего любые выгоды, которые уже не будут отвечать каким-либо реальным политическим целям. Однако к признанию невозможности достичь конструктивных политических целей в мировой ядерной войне стороны пришли только в конце 70-х – начале 80-х гг. прошлого века. При этом некоторые аналитики расценили такое признание как "деструкцию самой идеи победы"²⁸. Вместе с тем допускалась и "возможность скоротечной обычной войны или непродолжительного безъядерного начала всеобщей ядерной войны"²⁹, в которых могут действовать прежние эталоны победы.

Если обратиться к истории "холодной войны", то следует признать, что существовавший тогда "генетический" системный конфликт между сверхдержавами в принципе считался явлением, не ограниченным какими-либо рациональными политическими рамками. Потому-то каждая стратегическая доктрина того времени исходила из потенциальной неизбежности неограниченной эскалации конфликта. Например, если НАТО выдвигала концепцию обороны передовых рубежей, то заведомо предполагалось, что в случае, если достичь политических целей не удастся, будет использовано тактическое ядерное оружие, а при необходимости и стратегическое³⁰.

Таким образом, главные политические цели двух сверхдержав (если рассматривать их в проекции на гипотетический последовательный ряд реализации форм вооружённой борьбы) фактически были неограниченными и могли привести к уничтожению всей человеческой цивилизации.

Однако одновременно шёл и процесс осознания абсурдности войны для достижения подобных целей.

В этих условиях ядерным вооружениям стали отводить роль инструмента осуществления политики ядерного сдерживания, суть которой заключается не в том, чтобы достичь политических целей, одержав военную победу в ядерной войне, а в том, чтобы иметь возможность угрожать такой войной. При этом ядерное сдерживание в реальной политике тех государств, которые обладают ядерным оружием, служит очень эффективным инструментом не только защиты национальной безопасности, но и реализации национальных интересов. Поэтому у других субъектов международных отношений возникает объективное стремление обрести такое оружие. Причём в последние годы к этому стремятся даже негосударственные образования – международные террористические

²⁷ Огарков Н. В. История учит бдительности. М., 1985. С. 51.

²⁸ Luttwack E. N. On the Meaning of Victory // The Washington Quarterly. 1982. Autumn. P. 17.

²⁹ Ларионов В. В. Проблемы предотвращения обычной войны в Европе // МЭиМО. 1989. № 7. С. 32.

³⁰ Там же.

организации, и такую возможность, во всяком случае теоретически, они имеют.

Таким образом, возникает парадоксальная ситуация: политика ядерного сдерживания *самим фактом своего существования* порождает проблему ядерного распространения.

Вместе с тем война обладающих ядерным оружием США с Ираком показала, что начался возврат к эталонам победы, обкатанным теоретиками "ограниченной войны" в конце 50-х – начале 60-х гг. Например, политической целью войны в зоне Персидского залива не было уничтожение государства-противника, но при этом так и остался без ответа вопрос о том, должно ли выполнение такой бесспорной в военном плане задачи, как разгром противника, иметь конкретный политический результат: изменение политического строя в побеждённой стране, установление оккупационного контроля над её территорией, отторжение части территории побеждённого государства в пользу победителя, передача власти в руки дружественного режима или просто восстановление довоенного *статус-кво*?

Закон зависимости хода и исхода войны от её политических целей, которые формулируются в соответствии с общественно-политическим устройством страны, в конечном итоге означает зависимость от морального потенциала нации. Ведь сама возможность ведения масштабной войны появляется в том случае, если её поддерживают народные массы. "Если эта поддержка принимает всеобщий характер, война грозит обратиться в то, что, согласно Клаузевицу, она теоретически собой и представляет: в борьбу не на жизнь, а на смерть, порождённую ненавистью"³¹. Вообще, моральные (духовные) возможности нации – очень тонкий и далеко не ясный для науки вопрос. В истории известны случаи, когда моральная депрессия, охватывавшая население в результате непродуманных государственных реформ, стихийных бедствий, нападения врага или военных неудач на начальном этапе войны, становилась источником несгибаемой воли народа перед лицом общей беды, что в конечном счёте приводило к поражению агрессора. (Именно это произошло в период Великой Отечественной войны, хотя прежние подходы к сути и истокам морально-политических (духовных) возможностей советского народа, основой которых долгое время считалась исключительно марксистско-ленинская идеология, нуждаются в научном переосмыслении.)

При анализе внутренней мотивации достаточно значительной группы людей выявляется любопытный феномен. С одной стороны, с конца 70-х гг. до сравнительно недавнего времени проводившиеся на Западе опросы общественного мнения показывали, что во всех странах росло ощущение военной опасности, страх перед войной. Но с другой стороны, сам по себе этот страх далеко не всегда означал готовность активно сопротивляться военной угрозе. Так, например, по данным опросов 1982–1983 гг. в Великобритании, 72 % респондентов были обеспокоены распространением ядерного оружия, но при этом 56 % не видели практических возможностей борьбы с этим явлением, а 46 % даже выступали

³¹ Ball G. Diplomacy for Acrowded World. Boston, 1976.

против антиядерного движения³². Думается, что одной из причин такой реакции западного общества были довольно широко распространённые притязания на лучшую жизнь, реализации которых способствовала милитаризация страны. По своей психологической сути это – результат работы пропагандистской машины, которая всегда использует для создания необходимых настроений приёмы, непосредственно заимствованные из мира рекламы и маркетинга, формируя тем самым "рыночный" подход к проблемам войны и мира.

Как справедливо замечают некоторые аналитики, "настроения такого рода могут спадать, сменяясь противоположной оценкой реальности лишь в тех случаях, когда война или милитаристские действия превращаются в нечто, угрожающее притязаниям людей"³³. Например, поначалу решения Белого дома о расширении масштабов вмешательства в события во Вьетнаме, по данным опросов, получали одобрение и поддержку общества. И лишь после того, как стало расти число убитых и цинковый гроб стал символом реальной угрозы для обывателя, в стране начало активно набирать популярность антивоенное движение.

Другой наиболее общий закон – **закон зависимости хода и исхода войны от соотношения экономических возможностей противников**. Он отражает органическую связь военных возможностей государства с экономикой и выводит на первый план показатель соотношения экономических потенциалов противников как один из важных критериев их победы или поражения в войне.

Следует, однако, отметить, что экономический фактор разные специалисты определяют по-разному: одни подразумевают под ним совокупную экономическую мощь страны, другие – ограничения, налагаемые на вооружённые силы размерами бюджетных ассигнований³⁴.

Думается, для решения конкретной задачи, т.е. осмысления хода и исхода войны, следует рассматривать экономику только в контексте военной безопасности. Оценивая экономический потенциал страны с точки зрения распределения ресурсов и сохранения баланса между гражданской и военной сферами, можно изыскать пути наиболее эффективного использования возможностей государства для парирования существующих и прогнозируемых военных опасностей и угроз.

Можно ожидать, что шансов на победу в войне значительно больше у стороны, обладающей экономическим превосходством. Однако на самом деле это не совсем так. Экономические потребности современной войны, конечно, очень велики, но их удовлетворение всё-таки не требует мобилизации всего производства, если речь идёт о достаточно сильных в экономическом отношении странах. Отсюда следует, что государство, даже уступающее агрессору по чисто экономическим показателям, не обязательно потерпит поражение, если сможет быстро мобилизовать для ведения войны необходимую долю своего экономического потенциала.

³² Public Opinion Quarterly. 1985. Vol. 49. № 1. P. 122.

³³ Ольшанский Д. Массовые настроения в политике. М., 1995.

³⁴ Тюшкевич С. Законы войны: сущность, механизм действия, факторы использования. М. : Книга и бизнес, 2007.

В связи с этим абсолютизировать действие закона зависимости хода и исхода войны от соотношения экономических возможностей противников не вполне корректно. Строго говоря, имеет смысл сравнивать только те доли экономических потенциалов сторон, которые те в состоянии мобилизовать на военные нужды в разные периоды войны. К сожалению, методик для определения таких долей пока не существует. А применительно к ядерной войне рассматриваемый закон может вообще не сработать.

Учитывая изложенное, рассматриваемый закон зависимости хода и исхода войны от соотношения экономических возможностей противоборствующих сторон правильнее было бы считать фактором, действие которого необходимо не только учитывать, но и использовать для более эффективной реализации более частного **закона зависимости хода и исхода войны от соотношения военной и боевой мощи противоборствующих сторон**.

Характер действия двух этих законов различен. Так, закон о военной мощи обладает значительно большей инерцией³⁵ по сравнению с законом о соотношении экономических возможностей. Для перевода экономики государства с мирного на военное положение, т.е. в то состояние, когда промышленность сможет выпускать в необходимых количествах вооружение, военную технику и большую часть других материальных составляющих военной мощи, требуются многие месяцы. При этом общее время будет прямо зависеть от степени подготовленности громоздкой системы милитаризации промышленности ещё в мирное время. Тем более что в начале войны в результате ударов противника по основным военно-экономическим объектам, неизбежно возникнут дополнительные трудности, которые необходимо предвидеть и уметь преодолевать.

Другими словами, для обороняющейся стороны чрезвычайно важно как можно быстрее превратить свой военный потенциал в реальные военные возможности, создать и сформировать все компоненты, необходимые для своевременной постоянной подпитки боевой мощи вооружённых сил, отражающих агрессии.

Закон зависимости хода и исхода войны от соотношения боевой мощи противоборствующих сторон начинает активно работать сразу же после нападения агрессора. При этом важно иметь в виду, что к этому моменту нападающий, как правило, уже сделал всё возможное, чтобы максимально реализовать свой боевой потенциал и сформировать все необходимые компоненты боевой мощи. В этих условиях жертва агрессии может рассчитывать на успех лишь в том случае, если она:

- заблаговременно сумела накопить достаточный боевой потенциал, трансформировать значительную его часть в боевую мощь и противопоставить агрессору достаточно сильные оборонительные группировки;
- имеет возможность интенсивно наращивать свою боевую мощь за счёт быстрой реализации ранее накопленных элементов военного и боевого потенциалов.

³⁵ Инерционность действия закона зависит от продолжительности сроков перевода военного потенциала в военную мощь и последующей трансформации части её элементов в боевую мощь.

При этом необходимо иметь в виду, что даже при одинаковой численности противостоящих группировок и их примерно равном качестве агрессор сразу же получит огромные преимущества, если нападение будет для жертвы неожиданным и если она упустит время для оперативного развёртывания группировок войск, приведения их в боевую готовность (т.е. нападающая сторона реализует факторы внезапности и захвата стратегической инициативы).

В настоящее время в результате внезапных мощных и глубоких огневых ударов с применением высокоточного оружия агрессор сможет нанести огромные потери обороняющейся стороне, дезорганизовать её систему управления войсками первого оперативного эшелона, подавить волю к сопротивлению. Всё это приведёт к резкому изменению общего соотношения сил в пользу агрессора и создаст предпосылки для успешного решения им ближайших оперативных и стратегических задач.

Что касается критериев победы в войне, то здесь имеется некоторая неопределённость. Обычно окончание войны оформляется межгосударственными актами. Однако при столкновении с международным терроризмом, в которое вовлекаются, с одной стороны, государства, а с другой – вооружённые формирования не признанных международным сообществом негосударственных структур, ситуация оказывается значительно сложнее, поскольку последние по определению являются незаконными (в отличие от вооружённых сил, созданных на законной основе). И если критерием победы в войне может служить принуждение противника сесть за стол переговоров, то в борьбе с международным терроризмом совершенно не ясно, с кем такие переговоры предстоит вести и чем, кроме безоговорочной капитуляции, они могут заканчиваться.

Знаковым явлением современности стали войны, в которых вооружённое насилие охватывает огромные пространства, при этом в собственно вооружённом противостоянии нет выраженной линии боевого соприкосновения, а в военные действия вовлекаются широкие круги гражданского населения. Термин для подобных конфликтов – "мятежевойна" – был предложен ещё офицером царской армии, эмигрантом Евгением Месснером. В таких конфликтах требования к вооружению и военной технике определяются не столько технологическими возможностями втянутых в них государств, сколько своеобразием тактики действия войск (сил), которая обусловлена необходимостью решать две в определённой мере взаимоисключающие задачи: (1) подавлять вооружённое сопротивление противника и (2) обеспечивать лояльность населения. В этом случае средства вооружённой борьбы, характерные для войны "классической", с одной стороны, оказываются избыточными, а с другой – не соответствуют условиям "мятежевойны"³⁶.

Если на смену "классическим" войнам в будущем придут "мятежевойны", то придётся кардинально менять сами концепции военного строительства. Однако если и в обозримой перспективе главной угрозой

³⁶ Не случайно на вопрос, какой техники больше всего не хватало в вооружённых конфликтах типа вьетнамского, боевые офицеры отвечали: "Лошадей и служебных собак" (см.: Ходарёнок М. Чеченский лабиринт: возможен ли выход // Новое военное обозрение. 2000. № 47).

национальной безопасности по-прежнему будут межгосударственные войны, то тогда следует и далее идти по пути укрепления механизмов силового сдерживания. Адекватно реагировать одновременно на оба вызова не сможет даже экономически самая мощная держава, поскольку для этого потребуется применить в военном строительстве два взаимоисключающих подхода.

Таким образом, взгляды на войну и её социально-политическое содержание постоянно эволюционируют, и неопределённость в отношении многих важных её характеристик требует научного осмысления.

Ключевые слова: *геополитика – война – победа – вооружение и военная техника – ядерное сдерживание.*

Keywords: *geopolitics – war – victory – armament and defense technology – nuclear deterrence.*